

ОТЗЫВ

ведущего научного сотрудника экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета, доктора исторических наук *Яркова Александра Павловича* на диссертацию *Чернышова Сергея Андреевича* «Формирование и развитие государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации» (Томск, 2017) представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история в диссертационный совет Д 212.267.03, созданный на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Актуальность представленной диссертации бесспорна, поскольку геополитическая и культурная уникальность нашей страны во многом определена тем, что в ее состав входит территория Сибири. Более того, сущностные параметры российской идентичности следует искать и на сибирских просторах, поскольку здесь проходил генезис государства: из Русского превратившегося в Российское.

Представленная к защите работа дает новое знание, носит самостоятельный и целостный характер. И в этой связи чрезвычайно важно суждение С.А. Чернышова, что «включение Западной Сибири в состав Русского государства нельзя рассматривать как одностороннюю военно-политическую акцию» (С. 32). Но нас существенно смущает путаница в дефиниции процессов: от «колонизации» (в названии работы) до «Покорения Западной Сибири Русским Государством» (С. 30).

Конечно, вынесенное в название формирование и развитие «государственности народов Западной Сибири накануне и в начальный период русской колонизации» в отечественной и зарубежной науке оценивается вообще неоднозначно. Его иногда называют «цивилизационной и христианизирующей мерой», «освоением русских земель», «выходом к морю», но есть и определения: «империализм, схожий с испанским, португальским, французским, английским и голландским»; «сближение русских и нерусских народов Северной Азии»; «сложный процесс присоединения и освоения»¹.

Не навязываем свою оценку, но считаем, что к тем процессам более применимо понятие «альянс». Оно предполагает взаимодействие ценностей различных культур и синтез интересов, который приносит выгоду большинству участникам сложного и противоречивого процесса присоединения территории прежнего политического объединения к другому, более крупному с титульным этносом, исповедующим православие. В таком случае, как представляется, тезис диссертанта на С. 103: «к концу

¹ см.: *Ананьев Д.А.* Западная историография XX века: основные концепции и теоретические подходы к изучению сибирской колонизации конца XVI – XIX века // ист. ежегодник. 2008: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2008. – С. 20.

1570-х гг. между Русским государством и Сибирским ханством фактически формируется буферное квазигосударство, которое с общерусским политическим пространством объединяет только один, но весомый фактор – личная преданность Строгановых царю» становится логичным.

Структура диссертации представляется вполне оправданной. Но стоит особо остановиться на том, что при определении методологических подходов на С. 23–24 диссертант размышляет о понятиях «государство» и «государственность», применяя теорию «раннего государства» Х.Дж.М. Классена, которая говорит о взаимоотношениях правящей элиты и масс, освященных единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами». Но вряд ли обмен услугами является основным принципом идеологии сибирской государственности. Скорее всего, речь должна идти о принципе взаимной пользы, который гораздо объемнее, нежели обмен услугами. Переносить возможную для хорошо населенной Европы модель «обмена услугами» на огромные пространства Азии, где обитатели Крайнего Севера никогда не встречались с жителями Алтая, нельзя. А вот взаимную пользу они испытывали, например, от принципиального понимания, что воинственным кочевникам с юга незачем (и проблематично) завоевывать тундру.

В этой связи интересно суждение на С. 110: «дискуссия о границах Сибирского ханства сводится к решению вопроса о том, что считать территорией этого политического объединения – земли и податное население, непосредственно подчиняющиеся хану, или все податные единицы (например, югорские княжества) и их правителей, связанных с ханом вассальными отношениями», которое определяет диапазон научных изысканий сибиреведов. Отсюда становится очевидным, что уровень развития местного социума предполагал многообразие выбора в ситуации кризисной точки бифуркационного ветвления. По этой причине и менялся статус политий: ханство, княжество, улус, равно как и состав подданных, например, откочевывавших или согласных быть данниками двух или трех правителей, порою враждовавших между собой. Соответственно, стремление иного правителя монополизировать право на господствующую идеологию вступало в конфликт с настроениями масс.

Справедливо отмеченная диссертантом слабая заселенность этих огромных территорий, дискретность и непостоянство политических, экономических, социальных и коммуникативных связей, в т. ч. вызванные природными особенностями (болота и озера, тайга и широкие реки, морозная зима и затяжное ненастное межсезонье) обусловили ментальный уровень аборигенного и коренного населения и выступили препятствием для создания полновесных систем управления, а это усложняло отношения с иностранными

государствами-соседями. В этой связи ошибочен вывод С.А. Чернышова на С. 122, что только внешними факторами определяется то, что: «К приходу русских на территорию Сибирского ханства здесь не было общности ни в этническом, ни в политическом, ни в религиозном смысле – ее формированию помешала нестабильная внешняя обстановка, в результате чего консолидационные процессы остались незавершенными».

Главным фактором, благодаря которому могло произойти объединение возникшей совокупности людских сообществ, считаем – стало взаимовыгодное совпадение представлений о жизненно важном пространстве. Если у С.А. Чернышова есть доводы против – с уважением учту.

Диссертант посчитал, что двоеданничество отмечено лишь «...на западе и северо-западе Сибирского ханства – у насельников бассейна Туры, в отношении которых известны факты уплаты ясака в Казань и Искер, а также некоторых югорских властителей, которые со второй половины XV в. признавали власть Московского князя» (С. 111). Между тем, если принять во внимание, что история Сибирского ханства не заканчивается взятием Искера, то и в начале XVII в. от правителей Джунгарии Кучумович Аблайгерим получил право собирать и для себя дань с барабинских татар, одновременно плативших ясак и Москве. Тройное налогообложение, например, привело к тому, что во всех Барабинских волостях в 1624 г. проживало всего 120 ясаклы, которые затем стали, и окончательно, подданными Москвы.

Источниковая база исследования охарактеризована в тексте диссертации довольно подробно, но заметим, что, упуская из списков источников сибирские арабографические источники на тюрки – сачара, диссертант лишил себя возможности взглянуть на объект исследования с точки зрения субъекта процессов – тех самых масс, т.е. коренных жителей. Между тем, они видели «длинную цепочку» правителей, а оценивая влияние пришедшей из Центральной Азии религии, составитель «Грамоты хранителя Юрумской астана» сказал: «...в Тобольском юрте масхаб особьей»².

Неизвестно, на каких источниках основано мнение С.А. Чернышова (приведено на С. 119) о четырех типах отношений центральной власти и региональных элит в Сибирском ханстве. Пока же это лишь гипотеза, о которой в этом качестве и можно говорить.

Кажется слишком легковесным одно из положений, выносимых на защиту: «...независимое царство Кучума ко второй половине XVI в. оказалось звеном, препятствующим развитию взаимодействия в рамках существующих между Европой,

² Опубликовано: Ислам в истории и культуре Тюменского края (в документах и материалах) / авт.-сост. И.Б. Гарифуллин / ред. А.П. Ярков. – Тюмень, 2004.

Московским государством и Средней Азией торгово-экономических отношений» (С. 31). Ведь задолго до правления Кучума Сибирь привлекала внимание среднеазиатских ханов.

Интерес вновь возник во второй половине XVI в., когда политика правителей стала направлена на поддержку торговли. В тот период Абдуллах вел борьбу за объединение земель и создание централизованного государства, где ислам идеологически обеспечивал потребности власти, а Бухара, Ташкент, Самарканд и Ургенч стали крупными торгово-ремесленными центрами³.

В дальнейшем по мере усиления и расширения этого ханства созданы еще более выгодные условия. Однако они не всегда дружественны: Абдуллах пытался отделить от России заволжских ногайцев (Ногайская Орда катилась к закату). Абдуллах по мере сил вмешивался и во внутренние дела Сибири, где активно поддерживал не только миссионерское движение, но и интриги⁴, предоставив миссионеров и освободившееся (в какие-то отрезки времени) войско: содержание ориентированной на битвы массы людей внутри собственных границ равносильно политической и экономической катастрофе.

Для Кучума же тесный союз с Центральной Азией давал надежду на военно-политическую и идеологическую поддержку, обеспечивал прочность торговых связей. Однако после разгрома поволжских ханств бывшие связи ослабли, оппозиция в Бухаре создала серьезную опасность, а расширение деятельности миссионеров привело недовольству части сибирского населения⁵.

Москва, тем временем, несмотря на своевременную уплату дани Тайбугидами и Шибанидами, усилила продвижение на восток, а русские купцы и промышленники все чаще проникали вглубь Сибири. В основе этого лежали объективные причины, среди которых есть и стремление к расширению границ Русского государства за счет присоединения к нему поволжских ханств. Это привело к тому, что «цепь татарских юртов, простиравшаяся от Крыма до Сибири, была навсегда разорвана»⁶.

В диссертации есть мелкие неточности. Так, существуют принципы династийных дефиниций: происходя от Чингизхана, Шибана наследники именуется Чингизидами, Шибанидами. Но почему диссертантом наследники Кучума на С. 30 упоминаются с прописной буквы: «кучумовичи»?

³ см.: *Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.* – Л., 1937. – С. 184.

⁴ Причины двойственной политики понятны: в первой половине XVI в. Тайбугиды и Шибаниды вели междоусобную борьбу, которая закончилась тем, что Кучум захватил власть при помощи и поддержке бухарского правительства и получил возможность стать стратегическим союзником Бухары в конфликте с Москвой. Активное участие в этих процессах принял сам Абдуллах. – см.: *Бахрушин С.В.* Науч. труды. – Т. 4. – М., 1959. – С. 195; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – Т. I. – М.; Л., 1937. – С. 196.

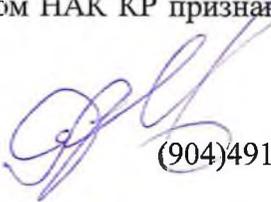
⁵ *Историческая энциклопедия Сибири*: [в 3 т.]. – Т. 2. – Новосибирск, 2009. – С. 250.

⁶ *Скрынников Р.Г.* Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. – Л., 1982. – С. 89

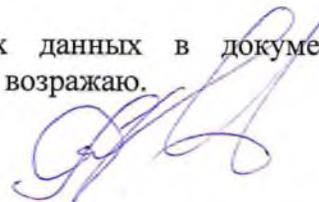
Несмотря на высказанные замечания в целом отметим, что диссертация С.А. Чернышова существенно обогащает сибиреведение новым подходом. Она является оригинальным завершённым диссертационным исследованием. Работа соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2016 г. № 335), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук.

С.А. Чернышов вполне заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Ведущий научный сотрудник
экспертного научного центра по противодействию
идеологии экстремизма и терроризма
Тюменского государственного университета,
доктор исторических наук
(07.00.02 – Отечественная история) Диплом НАК КР признан ВАК РФ. Ранее – История
Кыргызстана;
07.00.07 – Этнография)

Александр Павлович Ярков
(904)491 802 14, ayarkov@rambler.ru

Против включения моих персональных данных в документы, связанные с рассмотрением диссертации С.А. Чернышова, не возражаю.

30 июля 2017 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет»
Почтовый адрес: 620003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
Телефон: (345) 259-74-29
E-mail: rector@utmn.ru,
Сайт: <https://www.utmn.ru/>

Подпись Александра Павловича Яркова удостоверяю

Проректор по науке
и международным связям

А.В. Толстиков